

Дмитрий МИЗГУЛИН

г. Санкт-Петербург

ПИСЬМА ПИТЕРСКОМУ ДРУГУ

(Письма русского поэта Александра Роскова Дмитрию Мизгулину)

14.11.1988 г.

**Александр Александрович Росков
(26.06.1954 – 13.06.2011)**

родился 26 июня 1954 года в деревне Диковской (Сташево) Каргопольского района Архангельской области. До 35 лет жил в деревне Ловзанга в 15 км от Каргополя. Зимой работал в совхозе плотником, а летом – печником.

Переехав в Архангельск, работал в издательстве «Северная неделя» корреспондентом, замредактора, редактором ряда газет.

В 1989 году стал членом Союза писателей России. В 1993 году заочно окончил Литературный институт им. Горького (факультет поэзии, семинар А.Л. Межирова).

Стихи публиковались в альманахах «День поэзии», «Красная пристань», «Белый пароход», в журналах «Север», «Двина», «Новая книга России», «Москва», «Роман-журнал. 21 век», «Наш современник», «Дон», а также в коллективных сборниках и антологиях.

Лауреат премий имени Николая Рубцова, Фёдора Абрамова, премии «Имперская культура», имени православного философа Эдуарда Володина.

В апреле 2011 года на Славянском литературном фестивале «Золотой витязь» был награжден почетным «Золотым дипломом» как «Лучший поэт современной России».

13 июня 2011 года, так и не придя в сознание после дорожной аварии, скончался в архангельской больнице.

Димыч, дорогой!

Спасибо за письмо! Знаешь, – я влюбился. Помнишь, телеграмму тебе показывал? С Колей Харитоновым полетели из Москвы в Архангельск, я зафитилил прямо к «любимой женщине механика Гаврилова» и втюрился. И даже – взаимно. Она – врач-невропатолог, начитана, любит музыку, сама чудесно играет на пианино. И характер у неё – мой. Но тяжело очень, Дима. Живём мы друг от друга за 300 км. И ещё одна закавыка – не могу я деревню покинуть и уехать к ней. А она не может покинуть Архангельск.

Такая вот «кадриль» получается. Сегодня вместе с твоим письмом пришло 2 письма от неё, бандероль и вызов на переговоры – от неё же. Я ездил к ней на Октябрьские. По свежим следам написал 2 стихотворения, которые и посылаю тебе.

О поездке этой надо рассказать отдельно. Поезда у нас идут через станцию Няндомы – 80 км от Каргополя. Выехал я из дому 5 ноября. В Няндоме встретился с Павлом Захарыным, раньше мы с ним знакомы не были (2 его стихотворения есть в сборнике «У северных широт»). Мужик – я тебе скажу! Билет на поезд купить я не мог – народу тьма – плюнули мы на всё и пошли с Пашкой в редакцию его газеты водку пить. Напились!..

Окончание. Начало в № 7-8.2024.

Потом он позвонил жене, что поехал меня провожать до Архангельска. Мы с ним с песнями залезли (зайцами) в купейный вагон, уплатили проводнику по 15 рублей, он нашёл нам места. Всю ночь водку пили. Утром очухались с головной болью уже под Архангельском. Пашке 7-го надо вести праздничный репортаж с демонстрации, говорит: обратно как-то надо ехать. А я говорю: пошли к Коле Харитонову, опохмелиться, может, найдёт. Пошли к Коле, Коля встал в одних трусах (домашние его уехали в деревню все). Достал Николай бутылку, посидели мы честь по чести, выпили. Потом мы с Колей посадили Пашку на поезд, отправили обратно в Няндому, и я пошёл к «Любимой женщине механика Гаврилова». Умора! А человек Пашка – прекрасный!

Вот так и живу, Дима. Спасибо, что ты написал! А то я строчу письма в Архангельск и больше никому.

За контрольные ещё не садился. Нахожусь в «подвешенном» состоянии – не до этого. Английский мне сделает Людка (так зовут мою любимую женщину), она волокёт в нём – дай боже. А остальные надо самому.

Кирилл К. говорил: найдите сборник (коллективный) «Стихи этого года» называется – там 144 автора. Напишите, что понравилось, что нет – и почему. И пришлите к Новому году на кафедру творчества. Если не найдём этот именно сборник, можно взять любой коллективный (молодых), можно «Истоки». Ущучил, Димыч?

А про стихи Кирилл ничего не говорил.

Твой стих мне понравился. Только вот во второй строфе, по-моему, что-то надо изменить. А как тебе – мои? Ты первый их читатель после Людки моей. Высажи своё мнение.

Димыч, я тебя всегда помню и очень люблю! И стихи твои!

Читаю сейчас «Евангелие от Иуды» Генрика Пана. Препаршивейшая штука.

Дима, пиши! Буду ждать письма от тебя!

Крепко тебя обнимаю! Всего тебе доброго!

Всегда твой: Шура

06.12.1988 г.

Димыч!

Спасибо за письмо! Ты не хандри, пожалуйста! Бросил бы к чёрту свою работу, ушёл бы в лесники куда-нибудь, жил бы где-нибудь в избушке, наедине с самим собой. Смотрел бы в небеса, ловил бы рыбу. В конце концов, надо выбирать то или другое. И не слушал бы разговоров о литературе. Когда их не слушаешь – легче. Дима – это у тебя временное – пройдёт. Я в тебя верю. Ты талантлив. Только тратишь себя не на то. Нельзя талант закапывать в работу, какой бы интересной и денежной она ни была. Это погоня за

двумя зайцами, которая известно к чему приводит.

Звонил ли тебе Костя? Почему он мне не пишет – спроси у него. Получил ли он моё письмо?!

Дима! Недавно вышли «Истоки» № 18 с моими стихами – там у меня 28 стихотворений под рубрикой «Книга в альманахе» и ода мне посвящена в предисловии от редакции. Я рад, несмотря на некоторые опечатки. Послать тебе пока не могу, у меня 1 экземпляр. Купи у себя в Питере – обложка розовая, жирными красными буквами написано «Истоки».

На этот выходной летал в Архангельск к любимой женщине. Заходил к Коле Харитонову, выпили с ним бутылку коньяку. Привет тебе от него.

Всего тебе доброго. Пиши! Не хандри!

Люблю тебя и верю в тебя!

Обнимаю. Твой Сашка

01.02.1989 г.

Димыч, дорогой, привет!

Прости – затянул с ответом. С контрольными – запарился. Наконец-то расхлебался, отправил все, слава Богу! Новый год встречал в Архангельске у своей Людмилы. 1-го числа ходили с ней в гости к Коле Харитонову. Хорошо у него посидели.

Я нахожусь в чудесном состоянии влюблённости. Дама моя приезжала ко мне на прошлые выходные. Очень хорошая женщина, Димыч!

Горелов пишет, что сдал в из-во «Молодая гвардия» вторую мою книжечку, из тех стихов, которых в «Истоках» нет. Имя Горелова часто мелькает в печати.

Посылаю тебе письмо Вани Гуза, присланное мне Костей.

Стихотворение твоё мне понравилось!

Димыч, очень хочу тебя увидеть!

И всех ребят! Даст Бог! – скоро соберёмся и по очереди будем лазить под стол. Карты брать?

<...>

Димыч! До встречи в Москве!

Если напишешь до этого – буду счастлив!

Обнимаю.

Твой Сашка

«Наш современник» № 1 – во!

16.06.1989 г.

Димыч, привет!

Спасибо за письмо! За поздравления!

Я весь зашился с делами, прости.

Пишу кратенько.

Приезжай на свадьбу!

Сообщи – приедешь ли!

Приезжай, пиши!

Стихи новые есть – но потом, потом.

Обнимаю тебя!

Твой Сашка

28.08.1989 г. ??? Скорее, 7.11.1989

Димыч, привет!

Рад был сегодня услышать твой голос! Спасибо за звонок.

Немного о себе: живу ни шатко ни валко. Надо бы где-то подработать, да печки в это время уже никто не кладёт. Холодно. Впереди зима, надо как-то деньги зарабатывать – жить – а хрен знает как. Ладно, Бог не выдаст – свинья не съест.

К городской жизни ещё не привык. Может – привыкну.

Жена у меня очень даже хорошая. Главное – меня понимает. И любит.

Сегодня 7 ноября.

День прошёл почти как и будний.

Стихи пишутся понемножку. Посылаю тебе 2 из них. Правда, ещё не приглаженные.

Пиши, как с билетом в Харьков. Я, если жена ссудит деньгами, постараюсь к Косте выбраться на свадьбу. Ты тоже давай приезжай! Хоть повидаемся.

Колю иногда вижу. Привет тебе от него.

Всего самого доброго тебе.

Обнимаю тебя,

Димыч.

Адрес мой на конверте. Пиши и присылай стихи.

27.07.1990 г.

Дима, здравствуй!

Рад был получить хорошее письмо твоё и стихи. Очень мне понравились первые строчки твоего первого стихотворения «На Родине, как на вокзале, сумятица и суета»...

Помнишь, у Бориса Корнилова:

Я подумал, только не сказал

.....

О земле, похожей на вокзал.

Стихотворение твоё очень хорошее! Знаешь, я б посоветовал тебе немного поправить одну строчку. У тебя: «Так, что не видать ни черта...» Может, лучше будет: «Такой – не видать ни черта». Сумрак – такой!

Второе стихотворение тоже хорошее, только последние две строки не совпадают по времени со всем стихотворением. Может быть, как-то окончание: расти, произнести. А так понравилось.

Ну вот, «раздраконил» я тебя. Не обижайся, Димыч! Это я – помня твои лучшие стихи, пишу. Тебе не кажется, что с возрастом в нас что-то пропадает – свежесть восприятия мира? Я почему-то ощущаю это. Раньше я жил в маленькой-маленькой деревне, мир, лежащий вокруг и дальше её, казался загадочным и интересным. Теперь же наоборот – в городе живу, и кажется мне, что всё на свете я давным-давно знаю и ничем меня уже не удивить. Может быть, именно в

этом деле – нет в мире никакой тайны, она просто перестала существовать? Помнишь, у Рубцова:

*Боюсь, что над нами не будет таинственной силы,
Что, выплыв на лодке, повсюду достану шестом...*

И ещё, Дима, помню, когда я лежал на койке в психбольнице – даже тогда была в груди какая-то надежда, верилось во что-то хорошее. Теперь вроде всё благополучно: дом, семья, работа. Я – член Союза писателей. И что же? Как будто потеряна надежда на лучшее будущее, мечта, которая сбывается, есть не мечта, а план. Теперь, раз я член Союза, значит, обязан писать, писать, писать стихи. А если они не пишутся?

Что-то не так в этом мире, стране, душе. Где она – вера в могучее наше государство, в Россию, в Русь? Вон как её грязью поливают, по брёвнышкам растаскивают. Обидно и грустно...

Ты знаешь, дело даже не в стихах, не пишутся – значит так Богу угодно. Когда-нибудь запишутся. Мне, например, вполне достаточно того, что я написал. Ведь для кого-то мы, в первую очередь, писем? Для себя и для друзей – разве неправда, Дима? Достаточно написать 20-30 хороших стихотворений за всю жизнь – и хватит. Остальные так – мелочь и приложение.

В душе – разброд, как и в стране. Нет веры в будущее. Это угнетает и расхолаживает. Наступает время каких-то тёмных дельцов, жуликов и бандитов. Как в жизни, так и в литературе. Кому скоро будут нужны рассказы Труборезова о деревенских старичках и старушках? Наступает время фантастики, как сказал студент нашего курса Евгений Носов. Понимаешь, Дима, – фантастики! Ты умеешь писать фантастику? Я тоже нет.

«Хреново, родимый, хреново», – как сказал в одном из своих стихотворений поэт наш Вадим Беднов. У него недавно вышел тут сборник. Знаешь, есть чудесные стихи. Я привезу осенью его сборничек в Москву.

И всё же, Дима, хочется верить во что-то хорошее. Ты давай ухаживай за своим огородиком, строй баньку, не лежать же в гробу и ждать конца света, правда? Надо жить и унывать не стоит. Уныние по христианским понятиям – тяжкий грех. Мы же христиане всё-таки или нет?

Я рад, что у меня есть ты, Костя, Коля Труборезов. Пока знаешь, что есть у тебя где-то друзья, помнят тебя, – легче на душе делается.

Димыч, не обижайся на такое непутёвое и пессимистичное письмо.

Вот адрес Межирова: 125319, Москва, ул. Красногвардейская, дом 21, кв. 96.

Димыч! Обнимаю тебя и крепко жму руку твою!

Будет время – пиши.
Привет от моих дам!
Будь здрав. Твой Сашка.
Стихотворение – последнее моё – посылаю.

Димыч, привет!

Рад был вчера услышать твой голос! Я тут весь в делах закружился. Завидую тебе: так и пожил бы сейчас холостяцкой жизнью. Ну ничего, Дима, всё нормально. Потихоньку обживаюсь в городе. Вот уже год прошёл, как я здесь.

Тесть умер у меня в Каргополе. Поехал туда отдохнуть и... инфаркт. Остался я один на трёх дам.

Коля Харитонов вчера улетел в деревню, до конца июля будет там, у матери жить. Авось роман накропает или, как он говорит, «повестушку».

В последней «Лит. России» были наши подписи под «Письмом писателей России».

У меня отпуск – в сентябре. Поеду в деревню, похожу в лес за клюквой, за рыжиками. Конечно, до него сначала надо дожить.

Косте я недавно звонил, Он в конце августа обещается приехать. Может, и ты приедешь, Димыч? Я узнаю насчёт путёвки на Соловки.

Стихов написал немного по приезде из Москвы. Посылаю одно из них.

Пиши! Обнимаю тебя!
Жду письмо! И стихи!
Сашка

1990 г.

Дима, привет!

Получил твоё письмо. Спасибо. Целиком и полностью согласен с тобой в твоих рассуждениях. Да,

жизнь становится всё труднее и труднее. Хрен его знает, что дальше будет. Мы тут недавно с Труборезовым надрались от безысходности по-чёрному. Он сейчас рассказ кропает под названием «Человек без подробностей». Многообещающее начало, правда? Коля – человек уверенный в жизни, основательный. Вообще-то неплохой мужик, только туповатый. Он позавчера крещение принял, сегодня известил меня об этом по телефону. Авось и снизойдёт на него что-то божественное. Дай Бог!

Димыч, ты знаешь, у нас в Архангельске 3 целлюлозно-бумажных комбината, а бумаги нет. Со всей страны сюда толкачи едут, бумагу выколачивают. И не у всех это удаётся. Помнишь Ипатова – родственника моего? Он уже третий год пытается тут за свой счёт книжку издать, и связи у него есть, а бумагу купить не может. Такие вот дела. Так что, Дима, заранее тебя огорчаю – вряд ли получится с бумагой для твоей книжки. А у вас никак – да?

Получил письмо из тюрьмы от Вани Гуза. Он женился. Приезжала к нему в тюрьму старая знакомая (она ему письма писала), и их брак зарегистрировали. Три дня свидания на это в отдельном «кабинете» дали. Ваня воспрянул духом, опять пишет стихи, надеется через год освободиться.

Димыч, посылаю тебе последнее стихотворение, мудрёное, правда. Почти в стиле Бродского.

До 1 октября я буду в деревне. Пиши мне туда. Адрес помнишь?

Жму руку и обнимаю.
Сашка

Дмитрий Александрович МИЗГУЛИН

родился 10 сентября 1961 года в городе Мурманске.

Окончил Ленинградский финансово-экономический институт по специальности «финансы и кредит» и Литературный институт им. А. М. Горького.

Печатался в ведущих литературных журналах, альманахах и коллективных сборниках.

Автор более десятка книг стихов и прозы.

Лауреат Всероссийской премии «Традиция», премий им. Д. Н. Мамина-Сибиряка, им. Б. Корнилова, журнала «Наш современник» и др.

Лауреат премии Правительства Российской Федерации.

Член редакционного совета журнала «Север».

Член Союза писателей России.

Александр Александрович РОСКОВ

родился 26 июня 1954 года в Архангельской области.

Работал в издательстве «Северная неделя» корреспондентом,
замредактора, редактором ряда газет.

В 1989 году стал членом Союза писателей России.

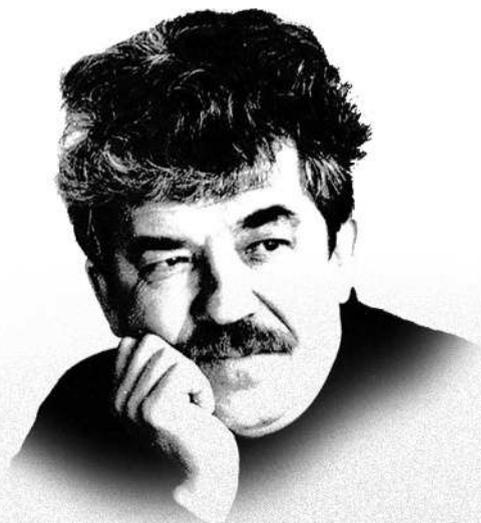
Окончил Литературный институт имени А.М. Горького.

Стихи публиковались в альманахах «День поэзии»,
«Красная пристань», «Белый пароход»,
в журналах «Север», «Двина», «Новая книга России»,
«Москва», «Роман-журнал. 21 век», «Наши современники»,
а также в коллективных сборниках и антологиях.

Лауреат премий имени Николая Рубцова, Фёдора Абрамова,
премии «Имперская культура», имени философа Э. Володина.

В апреле 2011 года на Славянском литературном фестивале
«Золотой витязь» был награжден почетным
«Золотым дипломом» как «Лучший поэт современной России».

13 июня 2011 года, так и не придя в сознание
после дорожной аварии, скончался в архангельской больнице.

«С женщиной желанной и любимой...»

(стихи из писем Дмитрию Мизгулину)

* * *

Я люблю в дождливую погоду
Плыть и плыть неведомо куда.
Пенится, бурлит за теплоходом
Мутная, холодная вода.

Хрупкий островок земного мира
По широкой движется Двине,
И клюют носами пассажиры,
Забываясь в кратком полусне.

Круглых окон пристальные призмы
Смотрят на крутые берега,
На сараи смотрят и на избы,
На луга, на свежие стога.

Там живут таинственные люди,
Там живёт неведомый народ,
Телевизор смотрит, рыбу удит,
Плачет и смеётся, водку пьёт.

Есть в жилых бревенчатых уютях
Что-то непонятное уму...
Покидаю тёплую каюту,
Выхожу на дождик, на корму.

Пенный след бежит за теплоходом,
Пучится бурунами вода.
Молча отрываюсь от народа,
Молча уплываю в никуда...

* * *

Посв. А. Ипатову

«И храм старины удивительный, белоколонный»
Нацелился в небо обломками павших крестов,
На чёрных обломках расселись четыре вороны –
Четыре креста поднимал «Иоанн Богослов».

Не движутся к храму пасхальные ясные гости,
Большая дорога к нему не ведёт, не бежит.
Вороны терзают крестовые старые кости,
Да ржавая жесть на боках куполов дребезжит.

Сюда не приедут ни поп, ни монах, ни епископ,
Не брызнет на старые стены святая вода,
И тучи над храмом нависли тревожно и низко,
И ночью над ним не сверкнёт золотая звезда.

Лишь мы, два бездельника, бродим вокруг и судачим
О славных, далёких, бесследно ушедших веках.
И ты не суди, если вдруг отвернусь и заплачу,
И дрогнет поднятая в крестном знаменье рука.

7 НОЯБРЯ 1988 ГОДА*Посв. Людмиле*

С женщиной желанной и любимой
Входим в православный Божий храм,
Ангелы глядят и серафимы
С расписного неба в лица нам.

Храм – не магазин. Толпы и давки
В храме нет. Трещит тихонько печь.
У миниатюрного прилавка –
Продавщица крестиков и свеч.

Две свечи литые, золотые
Взял я. Осенив себя крестом,
Встал пред Богородицей Марией,
Женщина моя – перед Христом.

Я сказал не вслух: «Святая дева!
Видишь эту женщину? Она,
Как Адаму посланная Ева,
Для меня, такая вот – одна.

В жизни, далеко не справедливой, –
Пресвятая! Милостью твоей
Сделай эту женщину счастливой,
Отведи несчастья от ней».

Дева с позолоченной иконы,
Приподняв рукою кисею
(Может – показалось), благосклонно
Глянула на женщину мою.

А она стояла – неземная,
Чуть заметно двигались уста.
Я её не слышал. Я не знаю,
Что она просила у Христа...

18 ноября 1988 г.**В МУЗЕЕ ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА
ПОД ОТКРЫТЫМ НЕБОМ***Посв. Людмиле*

Русская бревенчатая сказка!
Древний город в северном лесу.
Первый снег сыпучей белой краской
Строго подчеркнул его красу.

Избы – будто крепости. Колодцы.
Церковь. Гумна. Мостик через лог.
Малыми Корелами зовётся
Этот достославный уголок.

Я ходил тут с женщиной любимой.
За руки держась, брели мы с ней
Мимо бань, заборов длинных, мимо
Сказочных абрамовских коней.

Мы бросались снегом и смеялись,
А перед прощанием, в конце,
Долго-долго-долго целовались
У часовни старой на крыльце.

Экскурсанты шлялись по музею,
Школьники – седьмой, восьмой ли класс
Мимо шли, внимательно глаза
На часовню. Со смешком – на нас.

Педагог их (мы её не судим),
В поцелуях наших видя грех,
Бросила нам: «Взрослые же люди?!»
И, махнув рукой, сказала: «Эх...»

11 ноября 1988 г.